

УДК 811.161.1(092)ВиноградовВ.В.;81'42
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-171-179

ФУНКЦИИ ОБРАЗНЫХ ПАРАДИГМ В НАУЧНОМ СТИЛЕ В.В. ВИНОГРАДОВА

Халикова Н.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В представленной статье рассматриваются функции образных единиц с семантикой пространства в создании научного стиля выдающегося филолога В.В. Виноградова. Учение физиолога А.А. Ухтомского о доминанте позволяет использовать метод проекции отношения к конкретной действительности на отвлечённые идеи сознания учёного. Вокруг основных лингвистических понятий существует комплекс устойчивых образов. Все его элементы объединены значением интенсивного движения в единое семантическое поле. Псевдоперцептивность создаёт полифункциональную категорию «образа автора / исследователя» научного текста Виноградова.

Ключевые слова: метафора, категория образности, словесный образ, научный стиль, учение о доминанте, образ автора.

FUNCTIONS OF FIGURATIVE PARADIGMS IN V. VINOGRADOV'S SCIENTIFIC STYLE

N. Khalikova

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The article deals with the functions of figurative units with spatial semantics in the creation of scientific style of outstanding philologist V. Vinogradov. Physiologist A. Ukhtomsky's doctrine of the dominant allows to use the method of projection of relation to concrete reality on abstract ideas of the of consciousness. Around the basic linguistic concepts there is a complex of stable images. Its elements are combined by meaning of intense transfers in a single semantic field. Pseudo perception creates a multifunctional category of "image of the author / researcher" in the scientific text of Vinogradov.

Keywords: metaphor, figurativeness, scientific style, the doctrine of the dominant, image of the author.

На протяжении нескольких десятилетий В.В. Виноградов создавал собственную манеру научного стиля, в которой бы существовали, помимо глубины научной мысли, качества, которые он сам очень ценил в писательском мастерстве, – «стилистическое разнообразие, семантическая сложность и психологическая рельефность» [6, с. 270]. Важное место в формировании манеры научно-

го письма занимала образная система, в которой метафорически осмыслились важнейшие для него языковые и стилистические понятия. Ещё в 20-е годы это происходило параллельно с осознанным выбором предмета изучения: семиотических концептов (метафоры, образа символа) в языке русских писателей; категорий художественного текста; взаимосвязи литературных и языковых процессов. 7 февраля 1926 года Виноградов пишет: «Во мне происходит какой-то серьёзный сдвиг в сфере общих вопросов эстетики и философии. Увлекает Гуссерль. Одолевают мечты – взяться за вопросы об образе, метафоре и символе (в том смысле, как употребляли это слово символисты)» [7].

Частотность метафоры в научном стиле можно объяснить и тем, что учение Виноградова в разных областях филологии являлось первоисточником возникновения новых, весьма спорных дисциплин или категорий. Это были одни из первых ответов «на вопросы, представшие перед блестящей плеядой отечественных учёных-филологов. Что есть язык художественной литературы – язык художественной прозы, поэтический язык? Каков понятийный аппарат, предназначенный для его описания?» [10, с. 83] То же самое можно сказать о фразеологии и семасиологии, истории языка, грамматике и стилистике. По сравнению с современным научным стилем лингвиста и литературоведа, речь В.В. Виноградова кажется сложной, многословной, иррациональной и т. д. Она отличается диалогичностью (многоголосием, интертекстуальностью), оценочностью, эмоциональностью, образностью, множеством логических отступлений,

авторской модальностью и т. д. В трудные 1920-е годы безденежья и бытовой неустроенности Виноградова спасало не только научное творчество. Как он сам говорил, «пробую устроиться около кино: писать сценарии (23 января 1926) [7]. Работа сценариста (к сожалению, тексты его сценариев неизвестны) формирует особый тип образного мышления, развивает условно-пространственный символизм.

Целью данной работы не является описание или перечисление многочисленных метафорических моделей в трудах Виноградова, уже предпринятое в научных исследованиях. Более актуальной представляется проблема их функционирования как стилиобразующего средства, особого явления культуры книжной речи XX века. Теоретически более значимой является решение вопроса о парадигматических свойствах образности. В том, что множество одних и тех же образов, встречающихся в текстах лингвистических и литературоведческих работ разных лет, представляют собой единое образно-метафорическое поле в составе концептуального поля *Язык / Речь*, особым образом организованное, сомневаться не приходится: очень сильно ощущается единство уникального виноградовского стиля.

Помимо дани филологической традиции начала XX века, в разветвлённой образности логических ходов, в стилистической манере «научной медитации» этого выдающегося филолога [11, с. 31; 12, с. 15] скрывается, на наш взгляд, своя логика.

Биография и лингвистические данные виноградовского дискурса (письма, научные тексты, высказывания, отбор языкового материала, выбор книг

для чтения), а также двуаспектная структура метафоры (конкретное vs. абстрактное) позволяют использовать метод проекции, или дискурсивного анализа (к слову сказать, проекционный метод в литературоведении был впервые разработан Виноградовым [5, с. 95]). В данном случае это значит, что отношение к конкретно воспринимаемой действительности можно перенести на отвлечённые идеи учёного, анализируя содержание частотной когнитивной метафоры в его высказываниях.

Теория доминанты известного физиолога А.А. Ухтомского, применённая им к законам высшей психической жизни, деятельности учёного, писателя, художника, позволяет увидеть в экспрессивности и образности научной речи не «украшение» речи, а способ создания целостного образа действительности, сложного синтеза, проявление господствующей идеи всего научного опыта. Доминанта творчества (т. е., по определениям А.А. Ухтомского, направленное возбуждение, впечатление, переживание, образ из области *бессознательного*) устойчива и позволяет учёному формировать научную картину мира длительное время. Для исследования духовно развитой языковой личности важно, что научная теория (как и любая деятельность вообще), по Ухтомскому, не абстракция, а результат **преобразования действительности**, её проекция. Как в таком случае выглядит этот механизм? – «... *Предо мною существует конкретная действительность, а я преобразую её в другую, столь же конкретную действительность. В моём мышлении, даже в наиболее отвлечённом (каково научное, например математическое!), я всегда*

строю проекты действительности. Проектирую конкретное бытие, построенное согласно моим побуждениям» [12, с. 354]. Доминанта позволяет объединять разные картины мира – бытовую, научную, философскую – в единое пространство, где процесс переноса значения происходит в одних и тех же парадигмах. Есть остроумное выражение Виноградова, из которого следует, что он осознавал единство своей жизни и научной деятельности: «*Карты литературы и жизни перемешиваются, и выигрывает шулер, т. е. тот, кто заранее составил из них одну колоду*» (письмо от 13 апреля 1926) [7].

Большая часть образных парадигм в научных текстах В.В. Виноградова объединены семантикой интенсивного **движения**, преодоления препятствий на пути в визуально воспринимаемом пространстве языкового концепта. В опубликованных письмах учёного к Н.М. Виноградовой-Малышевой [7] можно проследить смену статичных образов *жизетской беготни* (быта, лекций, внешней жизни) и динамичных образов *бега мысли*. Внутренняя жизнь учёного *стремительным темпом бежит* (письмо от 30 ноября 1926, 17 января 1927) [7], она представляет собой именно пространство, в котором *тянет неудержимо к <...> личному творческому напряжению. Горы новых книг нависают над головой. Через них надо подняться на собственную вышку. Это – в научной сфере* (4 февраля 1927) [7].

Напряжённое движение мысли во внутреннем пространстве духовной жизни учёного проецируется на образы языковых и стилистических явлений. Отвлечённое понятие может принимать любые визуальные метафо-

рические формы: от строительства до тектонических разломов, от медленного движения путника до стремительности водной стихии. Сравните научный и мемуарный тексты: *Глагольный динамизм изображения чересчур конкретен. Он не отразил бы раздумья и анализа. Должны быть остановки в беге внешних впечатлений* [5, с. 243]; *А мысли текут, как ручьи с весенних гор. Я на миг устроил запруду и остановил их бег, чтобы воспроизвести Вам зигзаги прыгающих ассоциаций* (13 апреля 1926) [7].

Лексема *процесс* является наиболее частотной в семантическом поле *Язык*. Сам язык, его пласты, стили, ярусы виделись автором как мощные природные явления, потоки, стихии. Частные явления стилистики и грамматики переносились обычно на *почву, сцену, картину*. Государственная жизнь отражалась в метафорах революции, созидания, строительства. Таким образом, именно активное движение (его сила) является доминантой образного представления учёного о языке.

Доминанта обладает эмоциональным тоном, яркостью, оценкой. Иначе говоря, *эмоция закрепляет как нечто живое и конкретно пребывающее отвлечённые идеи сознания* [12, с. 368]. Следовательно, комплекс устойчивых образов вокруг основных понятий в теории В.В. Виноградова обладал функциями консервации уже найденных идей и явлений, их синтеза в единый проект научной реальности с воздействующим на читателя сильным эффектом. Устойчивые экспрессивно-оценочные образы-идеологемы языковых реалий Виноградова поражают, в силу этого запоминаются, как результат, мотивируют реципиента к активной деятельности.

Образ *пространства, пути (дороги)* в нём – ядерная зона образно-метафорического поля всех работ Виноградова.

Доминанта движения задаёт такой эмоциональный тон, который представлен в сумме различных приёмов. Один из них – оценочный эпитет, содержащий сему предельности качества (*яркий, наиболее яркий, напряжённый, многокрасочный, решительный, глубокий, напряжённый* и т. п.). Движение, по мироощущению автора, предполагает преодоление препятствия, силу, разрыв, борьбу и т. д. Эмоционально-оценочный эпитет необычным образом сочетается с термином: *острый* литературный символ, *напряжённо-метафорическая* фразеология, *яркие* синтаксические галлицизмы, *масса фразеологических осколков, неожиданная присоединительная сцепка* слов. Один термин мог наделяться сериями экспрессивных эпитетов: *стиль: субъективно выпрямленный, быстрый глагольный, быстрый повествовательный, отягощённый приёмами микроскопического анализа души, бесстрастно-деловой, полный парадоксов и афоризмов* и т. п.

Другая функция метафоры заключается в создании псевдоперцептивных значений. В художественном тексте единство элементов конкретной фикциональной действительности оформляется семантической и грамматической категорией литературной перцептивности – «скрытой категорией», связывающей признаки темпоральности, аспектуальности и локативности с восприятием окружающего мира человеком» [1, с. 275]. Прежде всего это отражается в визуализации фикционального пространства, его пара-

метров: формы, дали, близи, вертикали и горизонталы, замкнутости и т. п. Примеры образного осмысления ментальных концептов через метафору пространства в письмах: *Мысли мешают работе прямой, дробя её на тысячи теряющихся вдали тропинок* (26 мая 1926); *Чтение – как чистка и уборка квартиры. После суматохи и пыли голова с течением времени примет новое обличье* (26 сентября 1926); *Мне кажется, что под тусклой и грязной поверхностью жизни течёт чистая вода. Минутами (это трудно выразить простыми словами) я переживаю процесс погружения в глубину. Свежие, прозрачные струи тогда охватывают меня, и сквозь них я радостно вижу ключевой хрусталь* (5 марта 1927) [7].

Псевдоперцептивность в научном тексте, при полном переосмыслении значения визуальных глаголов *видеть*, *наблюдать*, *заметить* и др., имеет те же функции, что и в художественном тексте, то есть организует все элементы пространственной модели. Введение когнитивных и образных метафор пространства позволяет соединить в одном высказывании (либо СФЕ) агенса (исследователя, его перцептивный и оценочный модус), структуру «рассматриваемого» объекта, его связь с другими объектами, причинно-следственные связи. Типичный пример: **Видимая** *распылённость, разнородность морфологических примет заставила грамматистов искать внутреннего единства этой категории на путях семантического и синтаксического её изучения* [8, с. 282]. Пространственные образы с перцептивной семантикой используются для создания первичных научных представлений о каком-либо абстрактном понятии (литературном

символе, модальности, образе автора). Именно поэтому возникает категория «образа исследователя», подобного автору в художественном тексте, задача которого с позиции образной «точки зрения» максимально воздействовать идеологически с помощью псевдоперцептивных реакций. Например: *Необходимо пристальнее взглядеться в структуру фразеологических групп современного русского языка, более чётко разграничить их основные типы <...>* [3, с. 144]. Введённое Н.Б. Самсоновым понятие **коммуникативной сферы лица** (1-ого, 2-ого, 3-его) [11, с. 50] позволяет видеть в высказывании имена и именные группы, которые осмысляются участниками коммуникации как представители сферы этого лица (в данном случае учёного). Возникает смысловая однородность внутри грамматически безличного высказывания – признака научной речи. Во-первых, псевдоперцептивность создаёт авторскую интенцию (*нам надо взглядеться, разграничить* – ассоциативное 1 лицо). Во-вторых, личностно значимым становится объект исследования (фразеологические единицы), которые находятся «здесь и сейчас», перед «нами». В-третьих, как речевой акт с модальностью долженствования, это высказывание обладает иллюкутивной силой, предполагая ответную мыслительную реакцию «собеседника». Мы считаем, что, разрабатывая категорию «образа автора» в художественном тексте, Виноградов, возможно невольно, параллельно формировал и категорию «образа исследователя» научного текста.

Почему для Виноградова так важна апелляция к чувственному восприятию в научном тексте? Образность об-

ладает эффектом усиления критерия истинности за счёт включения перцептивных компонентов в сознание реципиента: если я и другой видим нечто, то это нечто безусловно существует. (...ведь я не выбрасываю из своего сознания образа, созданного воображением, он продолжает существовать, хотя бы в указанном сравнении [9, с. 9]). *Картины природы рисуются лирическим стилем, который сочетает лирические краски с этнографической точностью научного описания* [6, с. 236] – трудно сказать, о чём идёт речь: о типах стилистических единиц в прозе Лермонтова, то есть словесных образах и стилистических единицах, или «видимой» пейзажной зарисовке (художественном образе Кавказа). Два плана: научный информативный и перцептивный эмоциональный накладываются друг на друга.

Такой приём обладает сильным воздействующим эффектом. Рассмотрим, к примеру образную парадигму «язык писателя – водное пространство»: *логическая прозрачность и в то же время экспрессивная глубина в приёмах сочинения и подчинения предложений рельефно оттеняют быстрое движение острой и ясной мысли* [3, с. 55]. (Образы водного потока и геологических сдвигов впервые были отмечены А.П. Чудаковым как «излюбленные» у Виноградова: «речевые массы, которые движутся, сталкиваются, переплавляются, уходят вглубь или выносятся наверх» [13, с. 31–32].) Подобные афоризмы при переводе на язык науки с использованием терминов теряют образ автора, в них отчасти исчезает проекция духовной деятельности учёного.

Создающий метафоричность приём персонификации терминов и по-

нятий в псевдоперцептивном высказывании усиливает деавтоматизацию восприятия, позволяя создавать оценки, входящие в структуру «образа исследователя». Например: *Как исторически **вырывается литературная проза** из контекста **враждебных бытовому говорению форм** книжно-письменной речи и вовлекает в свою структуру разговорно-речевые формы?* [5, с. 76]; ***вводные слова могут двигаться по словесному пространству предложения*** [2, с. 57]. Персонификация или овеществление образуется из сочетания термина или понятия с «ненаучным» по стилю акциональным глаголом любой семантики: *своеобразие пушкинского синтаксиса **испаряется*** [5, с. 227]; *разнородные эмоционально-смысловые волны **наплывают** на данные символы* [5, с. 248] и мн. др.

Виноградов формировал устойчивые метафорические парадигмы на основе концепта-доминанты 'движение' для важнейших терминов семантики, грамматики и стилистики длительного времени (1920–1960-е гг.). Образная парадигма, собственно, и возникает, когда речь идёт о каком-либо главном, важном понятии: *Категория модальности предложения принадлежит к числу основных, центральных языковых категорий. <...> Она **охватывает всю ткань речи*** [2, с. 57]. В образно-метафорическое поле им помещался любой значимый для него объект, например, *лексическое значение, семантический оттенок, язык, стиль, фразеологическая единица, часть речи*. Принципиального изменения когнитивная образность не претерпевала. Метафора с чётким символическим значением, например, *путь, дорога, почва, растение, строительство, борьба* может

быть встречена нами и в ранних литературоведческих работах, и в поздних лингвистических. Это результат концептуального сближения: 'язык' и его процессы есть 'жизнь'. Например: *Путь Пушкина от стиха к прозе пролегал в области повествовательных форм* [5, с. 176].

Пространство визуальное и мыслительное коррелируются. 'Пространство' может приобретать разнообразные перцептивные формы: сцены, почвы, пути, дали, близости, высоты и глубины, водной поверхности, строительства. Все они устойчивы. Образность формирует целостность всей теории, и поэтому одна пространственная метафора может усиливаться другой. Например: *Вопрос о тесных фразеологических группах привлекал внимание многих лингвистов. И всё же, кроме отдельных наблюдений и некоторых общих суждений, трудно указать какие-нибудь прочные результаты в этой области семантического изучения. По-видимому, наиболее ясно этот круг тем освещён Ш. Балли <...>. На родственной почве выросли мнения Alb. Sechehaye по тем же вопросам фразеологии* [3, с. 143].

Жизненное упорство учёного и концепты общественного сознания 30-40-х гг. проецируются на активность его «героев» – объектов исследования (синонимов, лексем, перифраз и т. п.). Как правило, они общественно активны, враждуют, сопротивляются, ведут

борьбу: «Грамматическая борьба за признание категории вида» – название параграфа в научной монографии [8, с. 393]). *Проза <...> становится основным орудием борьбы реализма* [5, с. 183]. Части речи имеют свои «тяжёлые» судьбы («Грамматические судьбы класса местоимений» – название главы монографии) [8, с. 264]; *идеологическая борьба между направлениями, революционное мировоззрение, враждебное господствующему общественно-политическому укладу* [6, с. 190] и т. п.

Метафора пространства картины с «лексическими, грамматическими, главным образом синтаксическими красками», «экспрессивными красками», [6, с. 204, 235] предполагает некоторую статичность. Однако и здесь превалирует семантика движения.

Таким образом, процесс, движение как доминанта мыслительной деятельности самого учёного отобразились в научном стиле в виде устойчивых визуально-перцептивных семантических моделей, структурированных в образно-метафорическом поле с концептуальным ядром «языковая / речевая деятельность», которое коррелирует с концептуальным полем «жизнь» в сознании учёного. Образность научного стиля является неотъемлемой частью языковой личности Виноградова, его особого «видения» системных и структурных особенностей языка и речи, частью напряжённой духовной работы исследователя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2000. 736 с.
2. Виноградов, В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике: М.: Наука, 1975. 559 с.

3. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. 312 с.
4. Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. 320 с.
5. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
6. Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М., 1990. 388 с.
7. Виноградов В.В. "...сумею преодолеть все препятствия..." Письма Н.М. Виноградовой-Мальшевой // Новый мир. 1995. № 1. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/1/pub_soob.html (дата обращения 19.08.2016)
8. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под. ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 719 с.
9. Глазков А.В. Текст: установка на истинность // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 2. С. 8-14.
10. Ревзина О.Г. Язык и литература: учение академика В.В.Виноградова в свете современного гуманитарного знания // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1995. № 6. С. 83-89.
11. Самсонов Н.Б. Коммуникативно-прагматическая сфера лица // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 6. С. 50-54.
12. Ухтомский А.А. Интуиция совести. СПб.: Петербургский писатель, 1996. 528 с.
13. Чудаков А.П. О характере научной медитации и стиля В.В. Виноградова // Русская речь. 1989. 6. С. 31-36.
14. Чудаков А.П. Семь свойств научного метода Виноградова // К 100-летию со дня рождения академика Виноградова. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1995. С. 9-15.

REFERENCES

1. Bondarko A.V. Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noi grammatiki: Na materiale russkogo yazyka [The theory of meaning in the system of functional grammar: On material of the Russian language]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2000. 736 p.
2. Vinogradov V.V. Izbrannyye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike [Selected works. Studies on Russian grammar]. M., Nauka, 1975. 559 p.
3. Vinogradov V. V. Izbrannyye trudy. Leksikologiya i leksikografiya [Selected works. Lexicology and lexicography]. M., 1977. 312 p.
4. Vinogradov V.V. Izbrannyye trudy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka [Selected works. The history of the Russian literary language]. M., Nauka, 1978. 320 p.
5. Vinogradov V.V. Izbrannyye trudy. O yazyke khudozhestvennoi prozy [Selected works. On the language of fiction prose]. M., Nauka, 1980. 360 p.
6. Vinogradov V.V. Izbrannyye trudy. Yazyk i stil' russkikh pisatelei. Ot Karamzina do Gogolya [Selected works. The language and style of Russian writers. From Karamzin to Gogol]. M., 1990. 388 p.
7. Vinogradov V.V. "...sumeyu preodolet' vse prepyatstviya..." Pis'ma N.M. Vinogradovoi-Malyshevoi ["...will be able to overcome all obstacles..." Letters to N. Vinogradova-Malysheva] // Novyi mir. 1995. № 1. [Elektronnyi resurs]. [New world. 1995. no. 1. [E-source]]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/1/pub_soob.html (request date 19.08.2016)

8. Vinogradov V.V. Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (Grammatical teaching about the word)]. 4th ed. M., Russkii yazyk, 2001. 719 p.
9. Glazkov A.V. Tekst: ustanovka na istinnost' [Text: setting on the truth] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2015. no. 2. pp. 8–14.
10. Revzina O.G. Yazyk i literatura: uchenie akademika V.V. Vinogradova v svete sovremennogo gumanitarnogo znaniya [Language and literature: the doctrine of academician V. Vinogradov in the light of modern humanitarian knowledge] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya [Bulletin of Moscow State University. Series 9. Philology]. 1995. no. 6. pp. 83–89.
11. Samsonov N.B. Kommunikativno-pragmaticheskaya sfera litsa [Communicative-pragmatic sphere of person] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2015. no. 6. pp. 50–54.
12. Ukhtomskii A.A. Intuitsiya sovesti [Intuition of conscience]. SPb., Peterburgskii pisatel', 1996. 528 p.
13. Chudakov A.P. O kharaktere nauchnoi meditatsii i stilya V.V. Vinogradova [On the scientific nature of meditation and style of V. Vinogradov] // Russkaya rech'. [Russian speech]. no. 6. 1989. pp. 31–36.
14. Chudakov A.P. Sem' svoistv nauchnogo metoda Vinogradova [Seven properties of Vinogradov's scientific method] // K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Vinogradova [To the 100 anniversary from of academician V. Vinogradov]. M., Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 1995. pp. 9–15.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Халикова Наталья Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: nathalik@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya Khalikova – doctor of Philological Sciences, associate professor, professor at the Department of Modern Russian language, Moscow Region State University;
e-mail: nathalik@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Халикова Н.В. Функции образных парадигм в научном стиле В.В. Виноградова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 171-179.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-171-179

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Khalikova. Functions of figurative paradigms in V. Vinogradov's scientific style // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 171-179.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-171-179